

Chorażyczewski W. Archiwistyka dla początkujących. Toruń: Repozytorium UMK, 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://repozytorium.umk.pl/bitstream/handle/item/2191/Archiwistyka_dla_poczatkujacych_wersja_1.pdf?sequence=1 (дата обращения 14.06.2020).

Kušík M. Archivnictvo v klasifikácii vedy // Slovenská archivistika. 1968. R. 3. Č. 1. С. 3-21.

Menne-Haritz A. Schlüsselbegriffe der Archivterminologie. Lehrmaterialien für das Fach Archivwissenschaft. 2. Auflage, Marburg : Die Archivschule, Institut für Archivwissenschaft, 1999.

Robótka H. Wprowadzenie do archiwistyki. Toruń : Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2002.

Ryszewski B. Archiwistyka. Przedmiot, zakres, podział (studia nad problemem). Warszawa-Toruń : Towarzystwo Naukowe w Toruniu, 1972.

Ryszewski B. Problemy i metody badawcze archiwistyki. Toruń : Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1985.

Štouračová J. Archivnictví. Brno : Masarykova univerzita, 2013.

Sulítková L. Archivnictví a spisova služba. Archivní teorie a metodika. Ústí nad Labem: Filozofická fakulta Univerzity Jana Evangelisty Purkyně Ústí nad Labem. [Электронный ресурс]. URL: <http://ff.ujep.cz/archivnictvi> (дата обращения 14.06.2020).

Thomassen T. Archival science // Encyklopedia of archival science. Edited by L. Duranti, P. C. Franks. Lanham, 2016.

УДК 332.122

И. В. Упоров

ОБЛИК И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДОВ, ПРИЗНАННЫХ БЕСПЕРСПЕКТИВНЫМИ: КАК СОХРАНИТЬ ДЛЯ ПОТОМКОВ ПАМЯТЬ ОБ ИХ СУЩЕСТВОВАНИИ

В статье ставится проблема, связанная с необходимостью сохранять историческую память о городах (поселках и селах), которые официально признаются «бесперспективными» и, соответственно, обречены на исчезновение. Такое положение возникло после распада СССР в 1991 г., когда в связи с переходом экономики России на рыночные отношения многие промышленные предприятия, составлявшие основу моногородов, стали закрываться, начался отток населения. Умирающие города бросаются обществом и государством на произвол природы, которая с течением времени их разрушает. В результате там, где некогда бурлила человеческая деятельность, остаются руины. И если не предпринять необходимых мер по документированию жизни в этих населенных пунктах, то память о них может навсегда исчезнуть из истории нашего Отечества.

Ключевые слова: история, моногорода, память, отток населения, Сибирь, Север, Воркута, разрушение, территория, цивилизация.

Можно по-разному оценивать развитие Российского государства после распада СССР в 1991 г. За прошедшие три десятилетия произошло много событий, и страна кардинально изменилась со всех точек зрения (политической, экономической, демографической, культурной и т.д.). Эти изменения имеют и материальный характер в сфере повседневной жизни населенных пунктов. Например, многие города прирастают современными жилыми массивами, и прежде всего в центральных и южных районах европейской части России (Москва, Воронеж, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Белгород,

Краснодар и др. Казалось бы, это позитивная тенденция, показывающая постепенный отход от эпохи «хрущевок», об этом с удовольствием пишут средства массовой информации, фотоэкспозиции размещаются на многочисленных официальных и неофициальных сайтах субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, в том числе им находится место, и во многом справедливо, в местных музеях, показывающих достижения общества и власти на конкретных территориях.

Однако не все так однозначно (здесь мы не затрагиваем вопрос архитектурно-ландшафтных и тому подобных решений). Дело в том, что разрастание указанных и других городов происходит в основном за счет миграционных потоков населения из районов Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока. И эта ситуация становится все тревожнее: «За годы так называемых реформ и разрушения, население Сибири сократилось с 22 до 19 миллионов, т. е. на 3 миллиона. Это колоссальные людские потери. Обезлюдивание сибирских территорий и миграция из соседних стран очень тревожное явление. Эти процессы ставят Россию на грань потрясений. Ведь 80 % ресурсов, которые потребляет европейская часть страны, поступает из-за Урала. И катастрофическая депопуляция Сибири – это угроза национальной безопасности» [Зюганов, 2007]. Весьма характерным является пример Дальнего Востока – в этом регионе численность населения за двадцать лет постсоветской России (1991–2011 гг.) уменьшилась на 1 млн 227 тыс. человек, что составило 12 % от изначальной численности (1991 г.), в том числе в Якутии – 11,4 %, на Камчатке – 20,3 %, в Магаданской области – 57,1 %, на Сахалине – 18,5 %, в Еврейской автономии – 10,9 %, в Читинской области – 12,9 % [Всероссийская перепись, 2012]. А если брать более широкий диапазон (1988–2018 гг.), то Дальний Восток потерял 1 млн 845 тыс. своих постоянных жителей (это почти 23 % от численности в 1988 г.), при этом, что очень важно подчеркнуть, отток населения происходит в основном за счет трудоспособного населения [Ярашева, 2019, с. 107]. В данном контексте вряд ли может успокоить то обстоятельство, что примерно половина мигрантов в Дальневосточном федеральном округе приходится на межрегиональную миграцию этого макрорегиона, а часть населения переезжает в Сибирский федеральный округ [Мотрич, 2015, с. 11], так как данное обстоятельство ничуть не меняет общей тенденции.

Опять же мы оставляем за скобками вопрос о причинах этих крайне негативных для страны явлений, виновниках, путях решения данной проблемы и т. д. Мы лишь констатируем, что многие некогда процветающие моноэкономические города с прекращением деятельности профильных предприятий и организаций и оттоком оттуда жителей постепенно разрушаются, причем физически. В числе таких городов (поселков): Краснокаменск (Иркутская область), Жирекен (Забайкальский край), Абаз (Республика Хакасия), Вор-

кута (Республика Коми), Юрга, Анжеро-Судженск, Прокопьевск (Кемеровская область), Старая Губаха, Юбилейный, Березники (Пермский край), Колендо, Нефтегорск, (Сахалинская область), Иультин (Чукотский автономный округ), Нижнеянский, Ынычкан (Республика Якутия-Саха), Финвал (Камчатская область), Алыкель (Таймырский автономный округ), Андерма (Ненецкий автономный округ), Кадыкчан, Алыкель (Магаданская область) и др.

Многие населенные пункты, оказавшиеся в подобных условиях, с заброшенными жилыми многоэтажками, шахтами, заводами, фабриками и многочисленными другими сооружениями нередко представляют собой такое жуткое зрелище, что невольно приходится сравнивать с результатами бомбардировок. В этом же ряду и проблема вымирания сельской жизни, и данная проблема в постсоветской России также только обостряется, а обезлюдивание деревень идет такими темпами, которые в литературе оцениваются как «катастрофические» [Россия – страна умирающих деревень, 2016]. А между тем российские деревни называют визитной карточкой России, многие сельские поселения, которых уже нет, были разнообразными и по ландшафту, и по строениям, и по образу жизни селян [Петрова, 2019, с. 73].

Если предельно обострить ситуацию, то есть угроза исчезновения многих городов, поселков, деревень как очагов российской цивилизации. И в этом контексте актуализируется вопрос о сохранении в общественной памяти повседневной жизни и облика этих поселений, которые на глазах ныне живущего поколения беспамятно растворяются в стремительной текущей истории современного бытия. Если не предпринять срочных мер по сохранению еще недавней городской жизни умирающих поселений, то начнет обрываться «взаимообусловленность прошлого и настоящего», и тогда исторические знания с неизбежностью будут искажаться, поскольку реконструкция прошлого по косвенным источникам по определению не может быть полноценной [Шуб, Цекерман, 2019, с. 48]. Нужно также иметь в виду, что стремительное развитие научно-технического прогресса обуславливает быстрое изменение образа жизни в населенных пунктах, и это является еще одним обстоятельством, показывающим необходимость закрепления в архивно-музейных документах и экспозициях изменений архитектуры, быта, предметов деятельности еще существующих поселений (так, в городах уже практически ушли в прошлое деревянные рамы в окнах жилых домов, заменяемые пластиковыми окнами – мелочь, вроде бы, но ведь она касается жизни миллионов россиян).

Для примера возьмем северный город за полярным кругом – Воркуту. Созданный в дикой тундре в 1943 г. для добычи каменного угля, не без привлечения заключенных ГУЛАГа (в 1953 г. произошло известное восстание заключенных Воркутлага), этот город в начале 1960-х гг. стал активно развиваться в виде основной части («голова города») и огромного 60-ти километрового кольца, на котором возле шахт вырастали жилые поселки. Сначала

там строились так называемые финские бараки (насыпные стены из угольного шлака), а потом, после пуска в эксплуатацию кирпичного завода и завода железобетонных изделий, стали появляться капитальные жилые многоквартирные дома, школы, школы, детские сады-ясли, дома культуры, поликлиники, кафе, стадионы, крытые катки и другие объекты соцкультбыта. Жизнь, что называется, кипела, и даже в короткое северное лето в скверах при домах культуры играли духовые оркестры.

Но с распадом СССР в 1991 г. и переходом экономики страны на рыночные рельсы ситуация стала стремительно ухудшаться: воркутинский уголь оказался невостребованным, шахты закрывались одна за другой, и в этих условиях жители начали уезжать из города, бросая свое жилье. В 1962 г. в Воркуте проживало 60 тыс. жителей, в 1991 г. был пиковый показатель – 117 тыс., и затем – непрерывное уменьшение, достигшее в 2019 г. 54 тыс. человек [Численность населения Российской Федерации, 2019]. Из 13 шахт осталось 4, скоро, вероятно, останется одна, самая крупная – «Воргашорская», некогда гордость угольной промышленности СССР. И если основная часть города Воркуты («голова города») еще «дышит», то большинство поселков при бывших шахтах уже не существуют, и теперь когда-то заасфальтированное знаменитое воркутинское кольцо в Воркуте называют «кольцом смерти».

Вот поселок Воргашор, самый крупный из всех пришахтных поселков, находится на противоположном от «головы города» конце воркутинского кольца, когда-то претендовал даже на статус самостоятельного города. Воргашор сначала представлял собой «старый», барачный поселок – его уже давно нет, он разрушился, разобран на дрова, и память о нем так и не сохранена, то есть, для потомков он не будет существовать. Но ведь он был, представлял собой маленький городок со всей, тогдашней инфраструктурой (печное отопление, деревянный клуб как центр жизни и т. д.), и там жили люди. А вот «средний» поселок – брошенный, но еще не исчезнувший (есть еще «новый» поселок с девятиэтажками, там еще теплится жизнь). Вот такие дома (рис. 1) строились в большом количестве, в квартирах были все удобства. Эти дома также разрушаются – как видно, крыш и деревянных перекрытий уже нет, полуметровые стены, правда, добротные, наверное, простоят еще долго.

Рис. 1. Жилой дом (постройка начала 1960-х гг.).

Во второй половине 1980-х гг. «средний» поселок по генплану начали развивать. И вот на окраине поселка (предполагаемом будущем центре) появилось почти законченное красивейшее здание детсада (рис. 2). Недалеко одновременно успели возвести каркас (колонны-перекрытия) огромного спортивного центра. Но на рубеже 1990 г. вдруг чья-то невидимая рука свернула все работы, и время как будто покатилось вспять. Все было брошено. Этот дом никуда не перетащить, он также уйдет в небытие. А ведь это материальный след нашей цивилизации за Полярным кругом всего 30-летней давности!

Рис. 2. Так и несостоявшийся детсад-красавец (постройка рубежа 1990г.).

А вот на фоне брошенного и исчезнувшего поселка Юнь-Яга в голой тундре стоит еще чудом сохранившийся вокзальчик на станции некогда проходящей здесь железнодорожной ветки (рис. 3).

Рис. 3. Вокзальчик на бывшей ж.д. станции поселка Юнь-Яга (постройка конца 1950-х гг.).

Другой, более значимый для истории Воркуты «призрак» в голой тундре – Дом культуры в также уже исчезнувшем поселке Промышленном, был построен в 1970-х гг., и рассчитывался, вероятно, на века (рис. 4). Но, увы, сейчас его могут увидеть только редкие энтузиасты-любители острых ощущений, приезжающие время от времени в умирающую Воркуту.

Рис. 4. Дом культуры поселка Промышленный при шахте № 32 (постройка 1970-х гг.).

И если многие каменные жилые дома и другие объекты соцкультбыта еще, полуразвалившиеся, не потеряли физической целостности, то промышленные объекты давно представляют собой руины, как, например, бывшая шахта № 17 (рис. 5) в исчезнувшем поселке Строительном.

Рис. 5. Руины бывшей шахты № 17 (постройка конца 1950-х гг.).

Самое грустное зрелище – это, наверное, брошенные школы. Вот одна из них – бывшая восьмилетка № 24 в поселке Воргашор (рис. 6). Добротное кирпичные здание, которое могло прослужить еще не один десяток лет. Оно пустует уже почти два десятилетия. Когда-то в этой школе был свой маленький музейчик об истории поселка и школы. Но школы больше нет, нет музейчика, память об этой жизни уходит в безвозвратное прошлое.

Рис. 6. Восьмилетняя школа № 24 (постройка середины 1960-х гг.).

Как нам представляется, логика культурного развития цивилизации предполагает сохранение для потомков материальной памяти прошлой жизни. И в этом смысле следует документировать как внешний облик, так и повседневную жизнь вот таких умирающих городов, поселков и деревень. Благо современные цифровые технологии позволяют делать это в минимальные затраты труда и времени, в частности, речь идет о целенаправленных видеосъемках соответствующих объектов уходящей в прошлое жизни нашего Отечества. И, соответственно, в архивах и музеях следует формировать специальные отделы для просмотров такого рода видеофильмов. Мы полагаем, что целенаправленно такую работы должны осуществлять власти соответствующих субъектов Российской Федерации, учитывая, что им (субъектам РФ) исчезновение не грозит. Следует согласиться с тем, что «диалог с прошлым - постоянный и динамический фактор развития любой цивилизации, и историческая память, как "короткая", охватывающая события непосредственного прошлого, так и "опосредованная", "долговременная", является неотъемлемой частью культуры любого человеческого общества» [Репина, 2016, с. 84]. При этом важно помнить, что время неостановимо, и если сейчас не заняться этим делом, то для потомков мы оставим не лучшую о себе память.

Список литературы

Всероссийская перепись населения 2012. Т. 1. Численность и размещение населения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogil612.htm/ (дата обращения: 11.06.2020).

Зюганов Г. А. Обезлюдивание Сибири ставит Россию на грань потрясений [Электронный ресурс]. URL: https://kprf.ru/rus_soc/50868.html (дата обращения: 15.06.2020).

Мотрич Е. Л. Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 3. С. 6-14.

Петрова З. К., Долгова В. О. Процесс возрождения сельских поселений и культурный ландшафт // Academia. Архитектура и строительство. 2019. № 1. С. 70-77.

Репина Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое и прошлое / The New Past. 2016. № 1. С. 82-97.

Россия - страна умирающих деревень // Центр Экономических и политических реформ (ЦЭПР). [Электронный ресурс]. URL: <http://sepr.su/2016/12/09/россия-страна-умирающих-деревень> (дата обращения - 11.06.2020).

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 г. М. : Росстат, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13282?print=1> (дата обращения: 10.06.2020).

Шуб М. Л., Цекерман В. С. Феномен прошлого в контексте гуманитарного знания_ основания концептуальной интерпретации // Вестник культуры и искусств. 2019. № 1 (57). С. 42-49.

Ярашева А. В., Макаров С. В. Влияние демографических факторов на трудовой потенциал регионов Дальнего Востока // Региональная экономика. 2019. № 2. С. 105-112.

УДК 930.1

А. В. Шаманаев, А. С. Мохов

«НАДО ПОКАЗАТЬ ЧЕЛОВЕКА»: ДИСКУССИЯ О СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (Свердловск, 1942 г.)¹

Авторы рассматривают вопросы формирования научных представлений о специфике источников по истории Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено документам личного происхождения. Исследование основано на неопубликованных архивных документах Уральского филиала Комиссии по истории Великой Отечественной войны (г. Свердловск) из фондов Центра документации общественных организаций Свердловской области. По мнению авторов, совещания работников культуры, образования и науки (30 июля 1942 г.), музейных работников и краеведов (9–11 октября 1942 г.) состоявшиеся в Свердловске, оказали существенное влияние на теорию и практику работы по выявлению и сохранению материалов военного времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, источниковедение, охрана культурного наследия, историческая память.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00106.